

Дом на Еврейской

Небольшой особняк, с которого начинается в Одессе улица Еврейская, в другой стране и в других политических условиях давно мог бы стать если не музеем, то местом благодарности и памяти об одном из немногих реалистов, когда-либо живших на просторах Российской империи. Но, поскольку мы и сами, уже без всякой империи, продолжаем жить в вымышленных реалиях, для нас это просто дом. Дом Жаботинского.

Что заставило этого человека — блестящего публициста и неординарного писателя, любимца публики и наставника ищущей себя в творчестве молодежи, посмотреть на вещи реально? Кишиневский погром? Врожденное чувство справедливости? Само время, дававшее такой шанс каждому — вот только не каждый сумел этим шансом воспользоваться? Как бы то ни было, а Жаботинский был одним из первых, кто понимал, что его народу нужна страна и кто был готов за эту страну бороться. Одним из первых, кто понимал, что бороться — это не только прово-

6 дить конгрессы и даже не только возделывать землю. Бороться это еще и сражаться — и это касалось не только земли обетованной, но и безопасности евреев в изгнании. Одним из первых, кто понимал что рано или поздно социалистическую иллюзию в еврейском государственном строительстве заменит жесткая логика рынка и к этому нужно готовиться. Одним из первых, кто отдавал себе отчет, что с арабскими соседями у возвращающихся домой евреев может еще получиться сосуществование, но уж точно не любовь. Одним из первых, кто предвидел не просто крах империи, но и появление на ее руинах украинского государства. Одним из немногих, кто не видел в этом трагедии, а скорее естественное поступательное движение истории — со всеми ее кровавыми вывертами. Логика уважения к праву евреев на свою страну диктовала ему уважение к такому же праву украинцев — тому, кто никогда внутри себя не соприкасался с такой логикой, этого просто не понять.

Можно восхищаться блестящим стилем Жаботинского и его универсальностью — как это делал один из его учеников и друзей Корней Чуковский. Можно поражаться его готовности рисковать и политическому инстинкту, покорившему одного из его последователей, будущего израильского премьера Менахема Бегина. Можно пытаться привлечь его в союзники собственных мыслей и даже собственных планов, как сделал это Симон Петлюра. И все же

для меня книга, которую вы держите в руках, ценна не этими возможностями, не стилем, не парадоксальностью и четкостью мышления. Она ценна прежде всего своим реализмом — реализмом, которого всем нам так не хватает.

7

Виталий Портников